

УДК 94(470.51)“1942/1947”:341.341

Д. В. Перевощиков**К вопросу об использовании труда иностранных военнопленных в лесозаготовительной промышленности Удмуртии в 1942—1947 гг.**

На основе архивного материала, впервые вводимого в научный оборот, исследуется трудовая деятельность иностранных военнопленных из армий гитлеровского блока в лесной промышленности Удмуртии в 1942—1947 гг. Статья не претендует на полное раскрытие темы, но проливает свет на малоисследованную область как региональной, так и в целом отечественной истории. Анализ архивных документов позволяет составить представление о жизни и труде военнопленных, задействованных на заготовках древесного топлива.

Рассказывается о целях, поставленных перед руководителями работ военнопленных. Они заключались в том, чтобы внести достойный вклад в дело снабжения древесным топливом оборонных заводов г. Ижевска. Рассматриваются проблемы в производственном процессе, с которыми сталкивались организаторы работ представителей спецконтингента. Раскрываются причины низкой производительности их труда. В статье содержатся данные о количестве пленных, размещенных в лагере № 155 и задействованных на работах в лесу, что позволяет представить масштаб привлечения бывших солдат разгромленных армий к заготовкам древесного топлива для заводов, выпускавших вооружение и высококачественную сталь.

Перечислены виды трудовой деятельности военнопленных, затронуты вопросы об их заработной плате, продолжительности рабочего дня. Выявлена проблема нежелания некоторых бывших солдат армий гитлеровского военного блока выполнять трудовые нормы, что иногда выливалось в форму саботажа.

В статье делается вывод о недостатке опыта использования пленных в лесной промышленности Удмуртии как одной из главных причин возникновения трудностей в деле заготовки ими древесного топлива.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Удмуртия, лагерь, военнопленные, лесозаготовки, древесное топливо, производительность труда.

В период Великой Отечественной войны на территории Удмуртской АССР функционировало немало предприятий, выпускавших продукцию для фронта. Для ее бесперебойного производства оборонным заводам требовались топливные ресурсы, прежде всего торф и дрова. Нехватка рабочих рук вызвала необходимость привлечь к труду на лесозаготовках не только часть гражданского населения, но и военнопленных — бывших солдат армий гитлеровского военного блока из Германии, Венгрии и некоторых других стран.

Вопрос об использовании труда представителей спецконтингента в различных отраслях советской промышленности в 1941—1956 гг. нашел заметное, хотя и недостаточное отражение в исследованиях последних десятилетий [1, 3, 5, 9, 11]. Почти все пока еще не очень многочисленные научные публикации, посвященные пребыванию иностранных военнопленных в СССР в указанный период, так или иначе затрагивают аспекты их производственной деятельности на различных предприятиях страны. Данный факт объясняется тем, что эта сторона жизни спецконтингента в Советском Союзе наиболее широко представлена в архивных документах. В то же время отдельных исследований, специально посвященных работам пленных в промышленности, не очень много и они в некоторых случаях ограничены региональными рамками [6]. Среди научных публикаций, обобщающих и анализирующих данные по труду спецконтингента в СССР, выделяется исследование С. Г. Сидорова [10].

Что же касается вопроса привлечения военнопленных к работам в лесной промышленности страны, то здесь вырисовывается «белое пятно» как в отношении истории всего Советского Союза, так и его республик, областей. На региональном уровне (в отношении

© Перевощиков Д. В., 2016

Удмуртии) данная проблема затрагивается в монографии Н. А. Родионова [8], а также в некоторых других его публикациях. Но это сделано недостаточно углубленно, поскольку исследование вопроса о жизнедеятельности пленных не являлось основной целью работ этого автора. Поэтому вопрос о труде бывших солдат армий гитлеровского военного блока в лесозаготовительной промышленности Удмуртской АССР в 1942—1947 гг. представляет немалый научный интерес.

Крупнейшим из предприятий республики, задействованных в добыче древесного топлива, был трест «Ижлес» Наркомата (Министерства) лесной промышленности СССР. В его структуру входили лесопункты. Один из них размещался неподалеку от поселка Ува и включал несколько участков, которые располагались у деревень Возеншур и Пуровой. В основном на их территории и работали военнопленные. С 1942 г. они жили в поселке Рябово, в лагере № 75 Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ¹) НКВД СССР. Данный пункт содержания спецконтингента имел отделение, находившееся северо-западнее поселка Ува, на 17-м километре узкоколейной лесовозной железной дороги [7, с. 142]. В 1943 г. оно получило статус самостоятельного лагеря № 155.

По данным УПВИ НКВД СССР, в декабре 1943 г. здесь находился 1271 пленный. Подавляющее их большинство составляли немцы — 1130 человек. Содержались там также двое венгров и представители других национальностей [2, с. 281]. В 1944 г. в системе треста «Ижлес» числилось 10 413 человек, в том числе 1265 военнопленных и осужденных из исправительно-трудовой колонии [12, л. 208]. Часто заключенные и бывшие солдаты вражеских армий трудились вместе, к тому же относились к одному ведомству — НКВД (МВД), поэтому в отчетных документах нередко проходили общей цифрой. В 1946 г. количество этих иностранцев, занятых в системе треста «Ижлес», заметно уменьшилось. Вместе с заключенными исправительно-трудовой колонии их насчитывалось 829 человек [15, л. 205].

Труд военнопленных использовался на лесоповале, на заготовке дров, ручной подвозке древесины к узкоколейной Ува-Туклинской железной дороге, укладке ее путей, а также на погрузочно-разгрузочных операциях. Сезонные, вольнонаемные рабочие готовили трассу для узкоколейки — расчищали от леса, корчевали пни [12 л. 209; 13, л. 48]. По железной дороге Ува — Ижевск дрова доставлялись в столицу Удмуртии. Главным потребителем древесного топлива был завод № 71, специализировавшийся на выплавке стали для танковой промышленности, а также на изготовлении некоторых металлических составляющих и узлов стрелкового оружия, в частности пулемета системы Максима, трехлинейной винтовки Мосина и других образцов. Поэтому своевременное снабжение древесным топливом этого ижевского предприятия имело стратегическое значение для оборонной промышленности СССР.

В процессе трудового использования спецконтингента на лесозаготовках существовали проблемы объективного и субъективного характера, которые отражались на производительности и результатах его труда. В частности, 24 июля 1943 г. на одном из собраний первичной парторганизации Увинского лесопункта мастер Пуровойского участка В. И. Печенкин сообщил, что на работы выводятся лишь 69 пленных вместо предполагавшихся 209. Он объяснил сложившуюся ситуацию тем, что для нужд лагеря не выделялись дрова. По утверждению мастера, начальник лесопункта не подписывал необходимое для этого разрешение. В результате в течение 6 месяцев между руководством лагеря и работниками участка существовали довольно натянутые отношения. Это отрицательно сказывалось на производственной деятельности. Иногда случалось, что по инициативе

¹ С 1945 г. — Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ).

Управления лагеря № 155 пленные совсем не выходили на лесозаготовки и погрузку дров [17, л. 157—158 об.].

Позднее эти проблемы были в основном решены, но возникли иные трудности — на этот раз в организации самого производства. Например, в июне 1945 г. между начальником лесопункта И. Н. Рогоза и руководством лагеря № 155 не была достигнута договоренность об установлении единых дневных норм выработки. Данный фактор негативным образом отразился на выполнении плана лесозаготовок. Снижение производительности труда происходило также по причине замены одного контингента пленных другим. Так, появившаяся на Возеншурском участке новая группа немцев совершенно не была приспособлена к лесозаготовкам и какой-то период времени, находясь в лесу, вообще не работала. По разным причинам иностранцы были заняты на производстве менее 8 часов в сутки [17, л. 123—124].

К августу 1945 г. вопрос о трудовых нормах до конца отрегулировать так и не удалось. Более того, некоторые пленные осмелели настолько, что открыто их бойкотировали и призывали других своих соотечественников не повышать производительность. Возникли признаки неприкрытого саботажа. Немцы-лесорубы при этом пользовались фактором недостаточного количества вооруженных конвойных солдат, которые должны были контролировать интенсивность их работы. Второй причиной невыполнения трудовых норм являлся недостаток рабочей силы на лесосеке. По утверждению сотрудников участков, ежедневно на работы не выводилось 30—40 пленных, которые по договоренности должны были трудиться на заготовке и вывозке древесины. В первых числах августа 1945 г. руководство лагеря отозвало две лучшие бригады немцев-лесорубов и направило их в подсобное хозяйство. На их место были поставлены физически слабые и больные иностранцы, и это резко снизило производительность труда. Некоторые сотрудники участков считали, что если пленный не справляется с дневной нормой, то он должен оставаться в лесу до тех пор, пока она не будет выполнена [17, л. 165].

Отчасти по причине низкой производительности труда спецконтингента в октябре 1945 г. пункт содержания пленных, расположенный на 17-м километре узкоколейной лесовозной железной дороги, был реорганизован во 2-е отделение лагеря № 75 [4, л. 256]. В июне 1946 г. руководители работ рассчитывали на то, что на заготовку и подвозку будет выведено по 200 человек, на вывозку продукции и на строительство узкоколейной железной дороги — по 100 иностранцев [19, л. 39].

Пленные трудились не только на лесосеках, но и в подсобном хозяйстве Увинского лесопункта. В октябре 1946 г. там работали 60 немцев. Этот вид деятельности не отличался сложностью, но и здесь имелись свои трудности. Уже упоминавшийся мастер В. И. Печенкин отмечал, что существует проблема неправильной расстановки иностранных работников в производственном процессе [19, л. 87 об.]. Из-за нехватки людей и неудовлетворительной работы представителей спецконтингента слабо велась борьба с сорняками, продолжительное время не ремонтировалось овощехранилище. Некоторые сотрудники лесопункта жалели пленных, сочувствовали им, особенно не инспектируя их труд. В один из выходных дней, 12 августа 1945 г., мастера Попков и Максимов не вышли на работу, и пленные, оставшись без надзора, трудились с невысокой продуктивностью. Отмечая данный случай, руководство лесопункта призвало мастеров строго требовать с иностранцев выполнения технических норм, осуществлять пристальный контроль, а о нежелающих добросовестно трудиться сообщать начальнику участка и в Управление лагеря [17, л. 166—167].

Для достижения необходимых показателей применялись и меры воспитательной направленности. Основной массе пленных в лагере разъяснялись цели и задачи их производственной деятельности. Кроме того, было принято решение о социалистическом

соревновании среди мастеров участков за повышение результативности труда военнопленных и лучшую организацию их работы [17, л. 168].

Материальное стимулирование труда также должно было сказаться на его эффективности. Так, за работу на лесосеках, выполненную военнопленными в течение 1945 г., трест «Ижлес» перечислил лагерю № 155 на заработную плату 57 619 рублей [15, л. 64]. При этом значительную часть расходов по содержанию лагеря нес Увинский лесопункт. В 1946 г. переплаты по этой статье составили 116 тыс. рублей [15, л. 64, 215]. Тогда же были увеличены расценки и на хлебные пайковые надбавки. Заработная плата пленных выросла в два с лишним раза. Поэтому увеличилась и сумма оплачиваемых по договору 35% на содержание штаба лагеря [16, л. 287]. В то же время каждый из иностранцев, как правило занятый на одной и той же операции, выполнил более 40 норм [16, л. 287, 290]. Питались военнопленные на средства треста «Ижлес». Однако данные затраты затем компенсировало Управление лагеря, которое, впрочем, делало это не всегда своевременно и в полном объеме. В декабре 1945 г., например, возникла задолженность тресту за питание военнопленных в сумме около 439 рублей [14, л. 96 об.].

Помимо зарплаты пленным для их трудовой деятельности выдавалась спецодежда. Осенью перед понижением температуры воздуха и наступлением морозной погоды они получали шубные, а также ватные куртки. В октябре 1946 г. во 2-м отделении лагеря № 75 (в бывшем лагере № 155) недосчитались нескольких комплектов теплой одежды. Впоследствии выяснилось, что шесть шубных курток для пленных во время их доставки на 17-й километр узкоколейной лесовозной железной дороги были похищены сотрудником лесопункта П. Н. Орловым. Главным аргументом в пользу этого вывода послужил факт их обнаружения в его доме [18, л. 100 об.]. В те же дни похожий случай произошел и с другим работником лесопункта — И. Ф. Гурьяновым. Пять пропавших ватных курток были позднее найдены сотрудниками МВД в его квартире [19, л. 37 об.].

ЧП, связанные с пленными, работавшими на заготовках древесины в системе Увинского лесопункта, этим не ограничились. 10 декабря 1946 г. машинист Булатов допустил аварию паровоза № 569, который перевозил вагоны с представителями спецконтингента. Ни машинист, ни пленные при этом не пострадали. Но в результате поезд доставил иностранцев на место работы с опозданием на 4 часа. Через несколько дней ситуация в некоторой степени повторилась. 13 декабря тот же машинист привез военнопленных на место работы с опозданием на 2 часа 45 минут. В результате Увинский лесопункт понес финансовый убыток из-за простоя представителей спецконтингента, компенсировать который обязали Булатова за его счет [18, л. 106]. Однако приведенные выше случаи хищений и неудовлетворительной работы транспорта были единичными, являлись скорее исключением, чем правилом, поэтому не оказывали серьезного влияния на труд представителей спецконтингента и процесс лесозаготовок.

Работу пленных на лесосеках нельзя было назвать ударной. План 1946 г. по ручной вывозке древесины они не выполнили, реализовав намеченную программу только на 60%. На заготовке древесины этот показатель достиг лишь 76,4% плана [16, л. 284—284 об.].

В связи с низкими результатами работы спецконтингента руководство Увинского лесопункта не имело повышенной заинтересованности в их труде. Кроме того, недостаток рабочих рук уже не проявлял себя так остро, как в годы Великой Отечественной войны. Поэтому отпала необходимость содержать пленных в этом районе Удмуртии. К тому же все активнее разворачивался процесс репатриации, затрагивавший и лагерь № 75. В результате этого в октябре 1947 г. он был расформирован. Пленные покинули также территорию его 2-го отделения, располагавшегося на 17-м километре узкоколейной лесовозной железной дороги. Часть этих иностранных работников отправилась в Ижевск на местные стройки и заводы, а большинство начало свой путь возвращения на родину.

Отсутствие опыта использования рабочей силы военнопленных на заготовках древесины и в подсобном хозяйстве Увинского лесопункта являлось одним из основных факторов тех трудностей, неурядиц, которые иногда возникали в деле организации труда представителей спецконтингента. По этой же причине в ряде случаев имела место несогласованность между Управлениями лагерей № 75, 155 и работниками лесной промышленности, что также не стимулировало получения желаемых производственных показателей. Кроме того, на результатах труда военнопленных сказывалась их физическая, да и психологическая неподготовленность к нелегкой работе на лесосеках.

Несмотря на вышеуказанные факторы, процесс репатриации, начавшийся еще в 1945 г. и снижавший численность пленных, низкую производительность, невысокую эффективность работы иностранцев, а также на трудности и казусы в деле организации производства, управления лагерей, руководству Увинского лесопункта удалось содействовать оборонной промышленности Удмуртии в деле увеличения выпуска металла и стрелкового оружия. При помощи спецконтингента был восполнен недостаток рабочих рук на лесосеках. Крупных срывов в деле заготовок и доставки дров на предприятия не происходило. Своевременное обеспечение древесным топливом оборонных заводов Ижевска стимулировало их эффективную деятельность по оснащению Красной/Советской Армии необходимым для того периода вооружением.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-11-18002 а(р) «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941—1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание».

Список использованных источников и литературы

1. Безбородова И. В. Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД МВД СССР в послевоенный период (1945—1953 гг.) // Отечественная история. 1991. № 5.
2. Венгерские военнопленные в СССР. М., 2005.
3. Галицкий В. П. Военнопленные германской армии в Советском Союзе (1941—1955 гг.). М., 1992.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 731.
5. Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на европейском Севере СССР (1939—1949 гг.). Вологда, 2005.
6. Оганян Г. С. Трудовое использование военнопленных и интернированных иностранных граждан в СССР: 1943—1953 гг. (на примерах южных российских регионов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2007.
7. Пантюхин Л. А. Воспоминания о Майере // Российские немцы: история и современность. Ижевск, 2006.
8. Родионов Н. А. Удмуртская Республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск, 2015.
9. Рожкова Е. К. Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.
10. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. 1939—1956 гг. Волгоград, 2001.
11. Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале, 1942—1956 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
12. ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 39.
13. ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 40.
14. ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 65.
15. ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 75.
16. ЦГА УР. Ф. Р-1089. Оп. 1. Д. 80.
17. ЦДНИ УР (Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики). Ф. 983. Оп. 1. Д. 3.
18. ЦДНИ УР. Ф. 983. Оп. 1. Д. 5.
19. ЦДНИ УР. Ф. 983. Оп. 1. Д. 6.

Поступила в редакцию 28.06.2016 г.

Первошиков Дмитрий Викторович, младший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: dmitryzh76@mail.ru

UDC 94(470.51) "1942/1947":341.341

D. V. Perevoshchikov

Labour service of foreign war prisoners in logging industry of Udmurtia during 1942—1947

The author examines the labour activity of foreign prisoners of war (POW) from the armies of Hitler's military alliance in the timber industry of Udmurtia during 1942—1947. The article does not claim to be complete, however highlights the underexplored regional and Soviet history. The vast examination of the archival material allows to form an opinion about the life and labour days of war prisoners involved in logging.

The article tells about the objectives the supervisors of war prisoners at the logging areas were set. These objectives involved worthy contribution to the supply of Izhevsk military plants with fuel wood.

The article deals with the industrial problems the supervisors of inmates faced. The causes of their low labour productivity are revealed. The article contains the data about the quantity of war prisoners accommodated in camp № 155 and those who worked in a forest. It allows to realize the scale of POW labour in the production of wood fuel for the factories that produced arms and refined steel.

The kinds of labour activity of war prisoners are enumerated. The author dwells on the wage of war prisoners and work hours. The article reveals the problem of reluctance of some former soldiers of Hitler's military alliance to fulfil the labour norms including the cases of sabotage.

The author states the shortage of experience in using POW labour in logging in Udmurtia and sees it as the main reason for the problems occurring with producing wood fuel.

Key words: Great Patriotic war, Udmurtia, camps, prisoners of war (POWs), logging, wood fuel, labour productivity.

Perevoshchikov Dmitry Victorovich, Junior scientist
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 426004, Izhevsk, ul. Lomonosova, 4
E-mail: dmitryzh76@mail.ru

References

1. Bezborodova I. V. Inostrannye voennoplennye i internirovannyye v SSSR: iz istorii deyatel'nosti Upravleniya po delam voennoplennykh i internirovannykh NKVD MVD SSSR v poslevoennyi period (1945—1953 gg.) [Foreign prisoners of war and the interned in the Soviet Union: the history of the Office on POWs and internees of the NKVD of the USSR Ministry of Internal Affairs in the post-war period (1945—1953)]. *Otechestvennaya istoriya*, 1991, no. 5. (In Russian)
2. *Vengerskie voennoplennye v SSSR* [Hungarian prisoners of war in the USSR]. Moscow, 2005. (In Russian)
3. Galitskii V. P. *Voennoplennye germanskoi armii v Sovetskom Soyuze (1941—1955 gg.)* [Prisoners of German Army in the Soviet Union (1941—1955)]. Moscow, 1992. (In Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-9401. Op. 1. D. 731.
5. Kuz'minykh A. L. *Inostrannye voennoplennye Vtoroi mirovoi voiny na evropeiskom Severe SSSR (1939—1949 gg.)* [Foreign prisoners of World War II in the European North of the USSR (1939—1949)]. Vologda, 2005. (In Russian)
6. Oganyan G. S. *Trudovoe ispol'zovanie voennoplennykh i internirovannykh inostrannykh grazhdan v SSSR: 1943—1953 gg. (na primerakh yuzhnykh rossiiskikh regionov) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Employment of prisoners of war and internment of foreign citizens in the USSR: 1943—1953. (By the example of southern Russian regions). Abstr. Cand. Dis.]. Pyatigorsk, 2007. (In Russian)

7. Pantyukhin L. A. *Vospominaniya o Maiere* [Memories of Mayer]. *Rossiiskie nemtsy: istoriya i sovremennost'* [Russian Germans: History and Modernity]. Izhevsk, 2006. (In Russian)
8. Rodionov N. A. *Udmurtskaya Respublika. Put' k Pobede 1945 goda* [Udmurt Republic. Road to Victory 1945]. Izhevsk, 2015. (In Russian)
9. Rozhkova E. K. *Inostrannye voennoplennyye i internirovannyye na Yuzhnom Urale v 1943—1950 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign prisoners and internees in the Southern Urals in 1943—1950. Cand. Dis.]. Orenburg, 2002. (In Russian)
10. Sidorov S. G. *Trud voennoplennykh v SSSR. 1939—1956 gg.* [The labor of prisoners of war in the Soviet Union. 1939—1956]. Volgograd, 2001. (In Russian)
11. Surzhikova N. V. *Inostrannyye voennoplennyye Vtoroi mirovoi voiny na Srednem Urale, 1942—1956 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Foreign prisoners of World War II in the Middle Urals, 1942—1956. Cand. Dis.]. Ekaterinburg, 2001. (In Russian)
12. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archive of the Republic of Udmurtia] (TsGAUR). F. R-1089. Op. 1. D. 39.
13. TsGAUR. F. R-1089. Op. 1. D. 40.
14. TsGAUR. F. R-1089. Op. 1. D. 65.
15. TsGAUR. F. R-1089. Op. 1. D. 75.
16. TsGAUR. F. R-1089. Op. 1. D. 80.
17. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Udmurtskoi Respubliki* [Documentation Centre of recent history of the Udmurt Republic] (TsDNIUR). F. 983. Op. 1. D. 3.
18. TsDNIUR. F. 983. Op. 1. D. 5.
19. TsDNIUR. F. 983. Op. 1. D. 6.